

Шукуров Дмитрий Леонидович

МЕОН И КУЛЬТУРА В ДИСКУРСЕ РУССКОГО АВАНГАРДА

В данной статье представлена культурологическая интерпретация понятия "меон" ("не сущее") в дискурсе творчества русских авангардистов. Проанализирована концепция "творения из ничего" ("creatio ex nihilo") применительно к искусству авангарда. Рассмотрены новые контексты культурного кризиса эпохи Серебряного века. Культурфилософское понимание Н. А. Бердяевым "меонической свободы" творчества, соотнесенное с изначальной творческой интуицией авангардизма, получает дополнительное обоснование в результате проведенного анализа произведений одного из представителей группы ОБЭРИУ - К. Вагинова. Определены векторы осмысления понятия "меон" в художественном мире русского авангарда.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/55.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 209-212. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

MODEL AS HISTORICAL COMPARATIVE ANALYSIS RESULT

Marina Aleksandrovna Shtan'ko, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of History and Region Studies
National Research Tomsk Polytechnic University
nikam13@rambler.ru

The author discusses the actual for today problem of research paradigms changing in modern Western historiography, sets the task to characterize the specificity of comparative analysis use in historiography and to reveal the features of model as the result of this analysis, pays special attention to the reasons of comparative analysis use in modern Western historiography, singles out the basic approaches to understanding the essence of historical fact as the basis for comparative research, emphasizes the characteristics of model as comparative analysis result, and summarizes the material revealing the features and possibilities of models use in historical knowledge.

Key words and phrases: historical comparative analysis; methodology; model; modelling; historiography; methods of historiography.

УДК 008.2

Культурология

В данной статье представлена культурологическая интерпретация понятия «меон» («не сущее») в дискурсе творчества русских авангардистов. Проанализирована концепция «творения из ничего» («creatio ex nihilo») применительно к искусству авангарда. Рассмотрены новые контексты культурного кризиса эпохи Серебряного века. Культурфилософское понимание Н. А. Бердяевым «меонической свободы» творчества, соотношенное с изначальной творческой интуицией авангардизма, получает дополнительное обоснование в результате проведённого анализа произведений одного из представителей группы ОБЭРИУ – К. Вагинова. Определены векторы осмысления понятия «меон» в художественном мире русского авангарда.

Ключевые слова и фразы: культура русского авангарда; меон; логос; эксперимент; словотворчество; кризис; футуризм.

Дмитрий Леонидович Шукуров, д. филол. н., доцент
Кафедра культурологии и литературы
Шуйский государственный педагогический университет
shoudmitry@yandex.ru

МЕОН И КУЛЬТУРА В ДИСКУРСЕ РУССКОГО АВАНГАРДА[©]

Работа выполнена в рамках проекта «Будущее России как культурно-цивилизационная возможность: актуализация пророческого потенциала отечественной интеллектуальной культуры» (ФЦП «Научные и научно-инновационные кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.) при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России.

Греческое слово «меон», как хорошо известно, означает в буквальном переводе «не сущее». (Сравните с буквенно-иероглифическим обозначением Иисуса Христа на иконах Спаса Нерукотворного: «хо – он», т.е. «сущий»). Термин по своему происхождению и использованию в древности имел философское и, конечно, богословское значение.

Прежде всего, это богословская идея «творения из ничего» (лат. «creatio ex nihilo»), которая в трудах святых отцов представлена со всей очевидностью. (Хотя непосредственно о «творении из ничего» говорится на страницах Библии только один раз, причем в неканонической книге: «Посмотри на небо и землю и, видя всё, что на них, познай, что всё сотворил Бог из ничего» (2 Мак. 7, 28)).

Изначальной творческой интуицией искусства авангардистов являлась концепция «чистой потенциальности» творческого акта *ex nihilo*. Концепция нашла реализацию в беспредметном творчестве супрематистов, в теории «освобождения слова» кубофутуристов, в индивидуально-авторском «жесте» Василиска Гнедова – в его знаменитой «Поэме Конца», представлявшей собой чистый лист, в обэриутском учении о слове, «очищенном от обиходной и литературной шелухи», и даже в перформативном отказе от творчества как такового в прото-концептуалистском проекте русских ничевоков.

Термин «меон» находит здесь применение как обозначение той изначальной творчески иррациональной стихии деструктурного и недооформленного смысла или даже пред-смысла, из которого с демонстративной щедростью черпается авангардистское вдохновение. После работ на эту тему современников авангардистов, известных свидетелей и оценщиков их творчества – П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, А. Ф. Лосева, термины «меон», «меоническая свобода» и т.п. стали своеобразными категориями модернистского

стиля, благодаря которым наиболее адекватно можно передать его основные черты (тому свидетельством замечательный труд проф. В. П. Ракова [13]).

Термин «меон» активно использовался при описании художественного стиля творчества русских декадентов и символистов – А. Добролюбова, Н. Минского, Ф. Сологуба, А. Белого, в том числе и в автохарактеристиках самих поэтов. Интересная интерпретация термина, развивающая его богословские контексты, представлена в позднем трактате Я. С. Друскина (мыслителя в конце 1920-х – в 1930-е годы близкого поэтам группы ОБЭРИУ). Трактат Я. С. Друскина датируется 1966 годом и носит название «Дьявол в виде ничто – ме он» (1966) [7, с. 360-367]. Здесь термин «меон» понят сразу в двух значениях: во-первых, как персонифицирование «меон» в виде антибога; во-вторых, как неперсонифицированное «меон»: Богу противопоставляется не сотворённая Им материя, или хаос (евр. «тоху ва боху»). Представляется совсем не случайным использование Я. С. Друскиным данного термина, который служит в его позднем христианском философствовании категорией описания творческого акта.

Элементы меонической деструкции, безусловно, присутствуют в авангардной поэтике. Однако эту деструктивность не следует понимать однозначно. Авангардистская деструкция – это не просто эпатажное разрушение канонической формы. Это скорее дискретность художественного стиля, которая мотивирована стремлением достичь изначальной чистоты творческого акта и реализована в результате сознательного нарушения авангардистами эстетической сплошности классического дискурса. Отсюда возникновение «видимости бессмыслицы» поэтического текста (выражение Н. А. Заболоцкого), которая, конечно, имеет игровую природу, но опять же не столь однозначную. Эта игра у обэриутов, например, всегда окрашена в религиозные тона, так как предметами их поэтической метафизики являются «Время, Бог, Смерть, юмор и святость» (так говорили А. И. Введенский и Д. И. Хармс). Такая творческая позиция созвучна апостольским словам: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом...» (1 Кор. 3:18-20).

Мысль об изначальной творческой интуиции авангардизма – «творчестве из ничего» – замечательно удалось сформулировать Н. А. Бердяеву: «В таких самоновейших течениях, как супрематизм, остро ставится давно уже назревшая задача окончательного освобождения чистого творческого акта от власти природно-предметного мира. Живопись из чисто красочной стихии должна воссоздать новый мир, совершенно непохожий на весь природный мир. <...> Это не есть только освобождение искусства от сюжетности, это – освобождение от всего сотворенного мира, упирающееся в творчество из ничего» [1, с. 57].

Мыслительный парадокс этой интуиции заключается в том, что подлинное творчество возможно только по аналогии с актом божественного миротворения – из до-бытийного меона: «...творчество, – писал философ в книге “О назначении человека” (1931), – по метафизической своей природе есть всегда творчество из ничего, т.е. из меонической свободы, предшествующей самому миротворению» [3, с. 45].

Подобная трактовка даёт основания современным учёным говорить об «апофатике литературно-художественного стиля» [12] в неклассическом дискурсе культуры Серебряного века.

Н. А. Бердяев прекрасно осознаёт парадоксальную близость авангардных интуиций творчества и собственной интенции в понимании творческого акта. Однако футуризм, с его точки зрения, излишне декларативен. Отказ от культурных традиций в авангардизме находит объяснение в желании освобождения от груза стереотипов, в стремлении к чистому и первозданному творческому акту – из манифестов русских и итальянских футуристов это очевидно следует. Но футуристическое творчество не созидает новое искусство, а разрушает старое: «Совершается декристаллизация слов, расплавление слова, разрыв слова с Логосом. Но нового космического ритма, нового лада футуристы не улавливают. Беда футуризма в том, что он слишком обращён назад, отрицательно прикован к прошлому, слишком занят сведением с ним счётов и всё не переходит к новому творчеству в свободе. Он есть лишь переходное состояние, скорее конец старого искусства, чем созидание нового искусства» [1, с. 54].

Истинное творчество Н. А. Бердяев уподобляет божественному акту миротворения «из ничего» (ex nihilo). Соответственно, такая творческая эпоха необходимо должна начаться с меонической свободы и закономерно будет включать в себя элементы исторического варварства. Так возникла знаменитая концепция «Нового Средневековья», согласно которой современные процессы разрушения традиционных ценностей культуры аналогичны историческим событиям переходной эпохи разрушения античного мира и наступления христианского Средневековья: «Закат исторического дня античного мира сопровождался большими потрясениями и катастрофами, он давал чувство безвозвратной гибели. Начало новой эпохи сопровождается варваризацией. <...> Мы живём в эпоху, аналогичную эпохе гибели античного мира» [2, с. 551].

Бердяевская концепция «Нового Средневековья» обнаруживает удивительную близость к одному из основных лейтмотивов творчества Константина Вагинова, поэта и писателя, также входившего в состав группы ОБЭРИУ. Автор этих строк уже обращал внимание на данную параллель [16]. В произведениях К. Вагинова эпоха «упадка и крушения» (Э. Гиббон) античного мира является источником многочисленных аллюзий. Поэт отождествляет революционные катаклизмы современности и исторические события смены античной эпохи христианской.

Данная историческая аллюзия в принципе не нова для культуры Серебряного века: параллелизм античной и современной эпох встречаем в трудах И. Ф. Анненского, Ф. Ф. Зелинского, Вяч. Иванова (влияние шпенглеризма в этом идейном контексте – факт безусловный). Лирический герой К. Вагинова предстаёт в образе «соперника христианства» (Ф. Ф. Зелинский), последнего хранителя античной и одновременно

современной традиционной культуры, обречённых на гибель под натиском варваров, которые названы в тексте романа «Козлиная песнь» «новыми христианами»: «Вспомни вчерашнюю ночь, – вещает неизвестный поэт в одном из своих экстатических видений, – когда Нева превратилась в Тибр, по садам Нерона, по Эсквилинскому кладбищу мы блуждали, окружённые мутными глазами Приапа. Я видел новых христиан, кто будут они? Я видел дьяконов, раздатчиков хлебов, я видел неясные толпы, разбивающие кумиры. Как ты думаешь, что это значит, что это значит?» [6, с. 23].

Послереволюционная действительность и эпоха, предшествовавшая ей, соотносятся «как отрицательно маркируемое христианство и античное язычество» [15] уже в раннем творчестве К. Вагинова (повести «Монастырь Господа нашего Аполлона», «Звезда Вифлеема», поэтический сборник «Петербургские ночи»). Дальнейшее развитие эта тема получает в «Козлиной песни», где, в частности, один из персонажей – Тептёлкин – ссылается на рассуждения своего коллеги – другого героя романа – «неизвестного поэта», уподобляющего послереволюционные годы первым векам христианства: «Но как же совместить это с концепцией неизвестного поэта, что большевизм огромен, что создано положение, подобное первым векам христианства? <...> Экое поколение растёт, без всякого гуманизма, будущие истинные представители средневековья, фанатики, варвары, не просвещённые светом гуманитарных наук» [6, с. 27, 36].

В статье «Новое Средневековье», опубликованной на Западе в период эмиграции, Н. А. Бердяев сопоставлял по культурной значимости эпоху большевизма с периодом раннего христианства. «Небольшой этот этюд, вскоре переведённый на ряд иностранных языков, – отмечал В. В. Зеньковский, – создал Бердяеву мировую славу» [8, с. 61].

Культурологические параллели в этой бердяевской работе постоянны: «Мы вступаем в эпоху, во многом аналогичную эпохе эллинистической... <...> Происходит мировой кризис, подобный падению античного мира» [2, с. 565, 597]. Однако христианство здесь воспринято как безусловная положительная сила, исцеляющая заражённую вирусом варварства традиционную культуру. Большевизм отождествлён с варварством, но в отличие от трактовки, свойственной произведениям К. Вагинова, однозначно противопоставлен христианству: «Мы переживаем состояние, схожее с падением Римской империи и античной цивилизации III века, когда только христианство духовно спасло мир от гибели и окончательного разложения. Варварские начала уже вошли в дряхлеющую и падающую культуру. Аристократические основы культуры потрясены. И необходима новая переработка варварской стихии, необходимо рождение света во тьме. Большевизм нельзя ликвидировать хорошей организацией кавалерийских дивизий» [Там же, с. 589-590].

Т. Л. Никольская [11, с. 79] указывала другой возможный источник аллюзий вагиновского романа – бердяевскую статью «Предсмертные мысли Фауста», опубликованную в России в 1922 году в знаменитом сборнике «Освальд Шпенглер и “Закат Европы”». Здесь, в частности, философ писал: «Мы живём в эпоху, внутренне схожую с эпохой эллинистической: эпохой крушения античного мира» [4, с. 57]. Возможно, именно эта статья из названного сборника, который по достоверным сведениям был известен в интеллектуальном кругу М. М. Бахтина, и стала непосредственным источником заимствования для К. Вагинова, являвшегося в 1920-е годы одним из активных участников «бахтинского семинара» [17]. Таким образом, пафос шпенглеровской концепции, воспринятой и преобразованной русской культурой в русле религиозной эсхатологии, и культурологические мотивы работ Н. А. Бердяева стали основой для создания уникального художественного герметизма вагиновских произведений.

Творческая концепция К. Вагинова, как было отмечено, воспроизводила широкий культурный контекст Серебряного века и имела непосредственное отношение к идейному проекту «Союз Третьего Возрождения», создателями которого являлись участники домашних семинаров Ф. Ф. Зелинского – братья Н. М. и М. М. Бахтины, Л. В. Пумпянский [5; 10; 14]. Небезынтересно было бы рассмотреть этот круг идей в контексте бердяевской культурологической мысли. Филолог-классик, известный отечественный переводчик текстов Платона и талантливый писатель А. Н. Егунов (псевдоним – Андрей Николев), творческие контакты которого с К. Вагиновым, представителями «круга Бахтина» были постоянны, обобщил идеи своих коллег и художественно воспроизвёл концепцию Н. А. Бердяева в новом историческом контексте в романе «По ту сторону Тулы» (1931). Это нашло выражение в его «проекции эпохи индустриализации в СССР как новой эллинской эпохи» [9, с. 84].

Философ Я. С. Друскин, продолжая парадоксальную мыслительную традицию своих не уцелевших в годы репрессий товарищей, разработал оригинальную теологию [7], безусловно, имеющую пересечения с философским дискурсом Н. А. Бердяева.

Итак, намеченная нами тема далеко не исчерпана и ждёт своих новых исследователей.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Кризис искусства // Эстетическое самосознание русской культуры: 20-е годы XX века: антология / сост. Г. А. Белая. М.: РГГУ, 2003. С. 47-67.
2. Бердяев Н. А. Новое Средневековье: размышление о судьбе России и Европы // Бердяев Н. А. Смысл творчества: опыт оправдания человека. М. – Харьков: АСТ; Фолио, 2004. С. 545-628.
3. Бердяев Н. А. О назначении человека: сборник / авт. вступ. ст. П. П. Гайденко; примеч. Р. К. Медведевой. М.: Республика, 1993. 382 с.
4. Бердяев Н. А. Предсмертные мысли Фауста // Освальд Шпенглер и «Закат Европы»: сборник статей / Н. А. Бердяев, Я. М. Букушпан, Ф. А. Степун, С. Л. Франк. М.: Берег, 1922. С. 54-73.

5. **Брагинская Н. В.** Славянское возрождение античности // Русская теория: 1920-1930-е годы: материалы 10-х Лотмановских чтений / сост. и отв. ред. С. Зенкин. М.: РГГУ, 2004. С. 49-80.
6. **Вагинов К. К.** Козлиная песнь: романы / вступ. ст. Т. Л. Никольской, примеч. Т. Л. Никольской и В. И. Эрля. М.: Современник, 1991. 592 с.
7. **Друскин Я. С.** Лестница Иакова: эссе, трактаты, письма / сост., вступит. ст. Л. С. Друскиной; подгот. текста, примеч. Л. С. Друскиной, С. С. Полигнотовой. СПб.: Академический проект, 2004. 768 с.
8. **Зеньковский В. В.** История русской философии. Л.: Эго, 1991. Т. 2. Ч. 2. 269 с.
9. **Косанович Б.** Творчество Андрея Николева – белое пятно в изучении русского авангарда // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1995. № 2. С. 81-89.
10. **Николаев Н. И.** Судьба идеи третьего Возрождения // МОУЗЕОН: проф. А. И. Зайцеву ко дню 70-летия: сб. ст. / С.-Петербург. гос. ун-т; отв. ред. В. С. Дуров. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1997. С. 343-350.
11. **Никольская Т. Л. К. К. Вагинов:** канва биографии и творчества // Четвёртые Тыняновские чтения: тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1988. С. 67-88.
12. **Раков В. П.** Апофатика литературно-художественного стиля: опыт теоретического описания // Раков В. П. Филология и культура: статьи. Иваново: Издательство МИК, 2003. С. 25-48.
13. **Раков В. П.** Меон и стиль: монография. Иваново – Шуя, 2010. 448 с.
14. **Хоружий С. С.** Метаморфозы славянофильской идеи в XX веке: эпизод I: идея Славянского Возрождения // Хоружий С. С. О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000. С. 118-125.
15. **Шнидина О. В.** Роман Вагинова «Козлиная песнь» в античной перспективе [Электронный ресурс]. URL: http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=175510&page=1
16. **Шукуров Д. Л.** Герметизм артистического универсума К. Вагинова // Вопросы онтологической поэтики: потаенная литература: исследования и материалы. Иваново, 1998. С. 115-122.
17. **Шукуров Д. Л. М. М. Бахтин и К. К. Вагинов:** интерференция дискурсов // Бахтинский вестник: собрание сочинений учёных: в 5-ти т. Орёл, 2005. Т. 1. С. 337-356.

MEON AND CULTURE IN RUSSIAN AVANT-GARDE DISCOURSE

Dmitrii Leonidovich Shukurov, Doctor in Philology, Associate Professor
Department of Culturology and Literature
Shuya State Pedagogical University
shoudmitry@yandex.ru

The author presents the culturological interpretation of the notion “meon” (“thing not in existence”) in the discourse of Russian avant-gardists’ creativity, analyzes the concept “creation from nothing” (“creatio ex nihilo”) with respect to avant-garde art, considers the new contexts of the Silver Age cultural crisis, gives the additional substantiation of the cultural-philosophical understanding of the “meonic freedom” of creativity by N. A. Berdyaev correlated with the initial creative intuition of avant-garde basing on the result of the conducted analysis of the works of one of the Union of Real Art group members K. Vaginov, and determines the vectors of understanding the notion “meon” in the Russian avant-garde artistic world.

Key words and phrases: Russian avant-garde culture; meon; logos; experiment; word creation; crisis; futurism.

УДК 328.184

Социологические науки

Статья раскрывает основные этапы трансформации образовательной политики в современной России, факторы, влияющие на этот процесс, а также проблему лоббизма в сфере образования. Речь в статье идет о методах лоббизма в сфере высшего образования, по мнению автора, в большей степени представляющего собой корпоративный лоббизм, о причинах и условиях, влияющих на характер данного явления.

Ключевые слова и фразы: лоббизм; высшее образование; образовательная политика; региональный политический процесс; корпоративный лоббизм; информационный лоббизм.

Ирина Анатольевна Юрина

Кафедра связей с общественностью

Тамбовский государственный технический университет

irina.yurina68@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ТЕХНОЛОГИЙ ЛОББИЗМА В ВУЗОВСКОЙ СФЕРЕ[©]

В последние годы в системе высшего профессионального образования в России происходит ряд изменений. Они объясняются, в основном, переходом к рыночной экономике, появлением жесткой конкуренции, в том числе и в сфере образовательных услуг. Появляется все больше коммерческих вузов, рынок образования